

Кира Зонкер

ПОЛГРАММА

«Снова опаздывает», – подумал Владислав, однако в этой скупой мысли совсем не было злобы. Мысль была ленивой и равнодушной. Впрочем, как и сам Владислав, который, несмотря на поздний час, проснулся совсем недавно. Закутавшись в душное одеяло, он лежал на боку и не ощущал в себе ни малейшего желания что-то делать. Мысль о том, чтобы встать и включить свет, маячила где-то на горизонте, но этим все и ограничивалось. Всякий раз, когда она появлялась, Владислав отметал ее и никуда не шел, сохраняя неподвижность.

Над кроватью моргала синим, зеленым и красным крутая дуга гирлянды. Крохи электрического цветного огня падали на спинку кровати, тускло отражаясь в железе прутьев, терялись в спутанных волосах Владислава и растворялись в темном квадрате потолка.

Ничего не изменилось. В жизни Владислава редко что-то менялось, а если и менялось, то он искренне желал вернуться в прошлое, чтобы этих изменений не допустить. Впрочем, избежать всего можно было лишь в одном случае: если бы мать Владислава в свое время поддавалась уговорам родителей и выскребла из себя кровавой сгусток – сгусток, которому теперь уже перевалило за двадцать, который сейчас лежал в темноте и прислушивался к монотонным отголоскам соседского радио. Наполовину глухой старик, о существовании которого можно было лишь догадываться, поскольку за пределы квартиры он выходил крайне редко, слушал радио «Ностальгия». Вместе с ним слушал и Владислав.

Старик жил почти рядом, через стену, однако Владислав почти ничего о нем не знал. Если вдуматься, он даже не знал, жив ли старик в данный момент. У старика не было никого – то ли от него все отказались, то ли он сам отказался от всех, чтобы запереться в своих тридцати трех метрах и слушать песни советской эпохи. Владислав, в отличие от старика, советскую эпоху не застал, и она у него ассоциировалась лишь с одним фрагментом детства. Между городом и дачами, возле железнодорожного переезда, среди ковыльного моря высились опоры так и не построенного моста – грубый куб фундамента и три квадратных колонны, увенчанные бетонной плитой. Ветер трепал пушистые кисти ковыля, травянисто-зеленое море переливалось под ярким солнцем, а опора моста, воздвигнутая во время перестройки, больше походила на руины древнегреческого храма. При виде одинокой опоры Владиславу приходило в голову нелепое словосочетание – «советская античность».

Колосс рухнул, распавшись на пятнадцать республик, – остались лишь глиняные ноги. И старик, который видел этого колосса в действии, всего в нескольких метрах от Владислава доживал последние дни. Владислав жил в такой же квартире – одна из ячеек шершавого панельного дома, стандартный метраж. И вполне был этому рад. Здесь ничего не происходило. Почти ничего.

Опершись на локоть, Владислав нехотя приподнялся и вытянул шею. На широком подоконнике, под прямоугольной рамой окна смутно белел циферблат будильника, перечеркнутый двумя фосфоресцирующими стрелками – половина первого.

Владислав договорился с Митей на восемь вечера, однако Митя, как и ожидалось, опаздывал – нагло и без малейшего стеснения. Митя знал, что ему простят опоздание, даже более того – был уверен, что никто не решится предъявлять ему претензии. Так и было. Встречали его с широкой улыбкой и очень даже искренней радостью. В конце концов, жаловаться было не на что. Владислава не радовала перспектива поездок на такси, так что Митя сильно выручал.

Когда Владислав все же добрел до выключателя, комнату залил приглушенный свет. Над кроватью все так же моргала гирлянда, углы наполнились легким полумраком, а сонный Владислав, переодевшийся в домашнее и изрядно мятое, сидел на краю кровати и вялыми руками растирал лицо. На противоположной стене висели два плаката: с того, что поменьше, смотрел скорбный лик Достоевского, истощенного чахоткой, а с того, что больше, смотрело тощее лицо Берроуза, истощенного опиатной зависимостью. Достоевский глядел куда-то в пространство, словно обращаясь даже не ко всему миру, а к чему-то высшему, а Берроуз глядел прямо на Владислава. Взгляды у них были одинаково укоряющие.

«...они не такие, как мы», – едва слышно говорил за стеной Макаревич.

– Не такие, как мы... – задумчиво повторил Владислав и растерянно сморгнул. Лицо – пока еще не костистое, но уже слегка похудевшее – застыло в странной гримасе, Владислава охватило непонятное чувство – нечто среднее между жалостью и отвращением. Однако оно быстро сменилось улыбкой, больше похожей на судорогу. Владислав находил сложившуюся ситуацию очень даже ироничной.

Он содрогнулся сухим смешком. Русые пряди, упав на лицо, коснулись длинного носа и скрыли Владислава от немого укора двух литераторов. Сцепив бледные пальцы в замок, упершись локтями в колени, Владислав опустил голову. Костяшки больших пальцев давили на лоб, со стороны казалось, что он молится – то ли Уильяму Сьюарду, то ли Федору Михайловичу.

Вспомнив, что через три дня должна зайти мать, Владислав тяжело вздохнул. Ему не очень хотелось с ней видиться, точнее, не хотелось, чтобы она видела его. Их связывали отношения матери и сына – но не больше: почти без доверия, почти без любви. Они сонно ненавидели друг друга. Типичная провинциальная ненависть, сглаженная традициями кровного родства.

Владиславу хотелось вырезать из памяти воспоминания о зимних вечерах, проведенных с этой женщиной. Она его баюкала, однако делала это достаточно жестоко. Владислав не желал спать, мать не желала долго с ним возиться, поэтому в ход шли истории о медведях-шатунах, которые не заснули вовремя и теперь бродят по зимнему лесу, разгребая лапами белые сугробы, утробно ревя от тянущего голода, пребывая в трансе усталости и истощения.

Мать не сильно ошиблась: таким Владислав и стал. Во всяком случае, в последние несколько месяцев он все чаще подолгу не мог заснуть, все чаще испытывал резко нахлынувший голод, все чаще бродил сутками, как изможденный шатун.

«Скырлы, скырлы, скырлы...» – вкрадчиво напевала мать. Владислав видел нависшее над кроватью лицо – лицо мраморной Гекаты с пустыми глазами. Его мать была красивой, но это была мертвенная красота. Детское воображение легко превращало отчетливые очертания заостренных плеч в лезвия, а костлявые руки – в ободранные медвежьи лапы.

«Скырлы, скырлы, скырлы... На липовой ноге... На моей коже сидит... Мое мясо варит... Засыпай, Владик».

Ближе к двум часам ночи Владислав наконец услышал стук в дверь. Конечно же, это был Митя. Он стоял у порога, развязно откинув голову чуть вбок, спрятав руки в карманы коричневого пиджака, задумчиво уставившись куда-то в потолок. Услышав скрип двери, он словно вспомнил, к кому и зачем пришел.

– Привет-привет, – скороговоркой поздоровался Митя и шагнул в квартиру, не забыв крепко пожать руку Владислава.

– Хочешь чай? – спросил Владислав, глядя, как гость ходит кругами по залу.

– Нет-нет, – так же быстро ответил Митя, весело покосившись на него.

От наметанного взгляда Владислава не скрылся ни влажный блеск глаз, ни легкий тремор нижней челюсти – узкой и слегка выдающейся вперед, что придавало Митиному лицу несколько хищный и инсектоидный вид.

Владислав молча вернулся на прежнее место. Кровать отрывисто скрипнула.

«Скырлы, скырлы», – мрачно подумал он, однако на губах у него показалась довольная улыбка. Длинные пальцы Мити заползли в карман пиджака. Рассмотрев два крохотных свертка, обмотанных черной изолентой, Владислав улыбнулся чуть шире.

Изолента, которой было больше, чем казалось на первый взгляд, витками оседала на пол, расползаясь черными змеями. Длинные пальцы шевелились отрывисто и быстро, а сам Митя часто и протяжно шмыгал носом.

Владислав не знал, как охарактеризовать установившиеся отношения. Безусловно, в последнее время он виделся с Митей часто – даже чаще, чем с близкими друзьями. Однако знал он Митю уже давно, так что однозначного ответа не было. То ли друг, то ли дилер. Сложно сказать.

Работать Митя начал год назад и за этот год сильно изменился: оброс цинизмом и большим количеством знакомых, которые пытались набиться к нему в друзья. Первое было неудивительно – работа с людьми, в принципе, способствует зарождению цинизма. Второе было очень даже ожидаемо, но Митя держался. Тут и помогал цинизм.

Во время одной из встреч Владислав обратил внимание на занятный факт: во время дружеских разговоров тема нелегального заработка Мити умалчивалась. То ли его собеседники опасались упоминать этот факт, считая, что после этого Митя будет видеть в их поведении исключительно корысть, то ли они считали это постыдным. Хотя последнее, учитывая контингент, было довольно странно.

– У тебя, я смотрю, тусня намечается? – спросил Митя, сбрасывая на пол последние мотки изоленты.

Протянув Владиславу ладонь, на которой лежали два зиплока, он застыл сутуловатым вопросительным знаком. Владислав покосился за правое плечо Мити – на Достоевского, который явно не одобрил бы его привычки, а потом за левое плечо Мити – на Берроуза, который тоже не одобрил бы, но уже по другой причине: тот не любил всё, от чего дрожат руки.

– Есть немного, – скупой ответил Владислав и цепким движением утащил оба зиплока с ладони Мити.

Тот покосился на сжатый кулак Владислава:

– Немного, ну-ну. Кто будет-то?

– Из коммуны ребята придут, – пробормотал Владислав, взглядываясь в первый зиплок. Под тонким целлофаном виднелись две таблетки – оранжевая и синяя.

– Короче, смотри, – начал Митя, от которого не укрылось любопытство Владислава, – тех, которые ты брал раньше, не было, но эти тоже должны быть нормальными. Но учти – синяя сильно стимит.

Владислав раскрыл второй зиплок, где виднелся снежно-белый порошок мефедрона, и в нос сразу же ударил запах отбеливателя и ванили. Однако смущал едва уловимый и смутно знакомый запах, которому здесь явно было не место. Силясь вспомнить, где же он с ним сталкивался, Владислав принюхался и узнал почти неощутимые нотки. Нотки глицины.

Следовало бы спросить Митю, в чем дело, или хотя бы неодобрительно покоситься, однако Владислав не сделал даже этого. Смысла не было: Митя знал, что никаких претензий не будет.

– Вам грамма не хватит на всех, – заметил Митя, щелкнув зубами.

Он ходил по залу, сложив руки за спиной, его одолевала жажда бессмысленной деятельности.

– А это не на всех. Это мне на два дня.

– К тебе же мать через три дня приезжает. Нехорошо. Проспишь.

– Невелика беда, – буркнул Владислав.

Он поймал себя на мысли, что проспать визит матери было бы действительно неплохо. Меланхоличность Владислава ей никогда не нравилась, да и вообще она в нем, мягко говоря, сомневалась. Но если раньше ее сомнения можно было опровергнуть, потому что Владислав был вполне воспитанным и прилежным, то теперь она получила в руки карту, которую невозможно было отбить.

«Ты всегда был грустным, – говорила она, глядя не на Владислава, а куда-то сквозь него, – и миру ты ничего не дашь».

– Я, кстати, тоже приду завтра, – безапелляционно заявил Митя, резко развернувшись к нему.

Он замер и теперь стоял на месте – едва заметно покачиваясь, держа руки за спиной, пристально глядя на Владислава. Владислав поймал немигающий взгляд блестящих черных глаз, и ему вдруг стало некомфортно.

Митю никто не звал, но он прекрасно знал, что ему не откажут.

– Конечно, – кивнул Владислав, – приходи.

– Только я могу немного опоздать. Я устал, и мне действительно надо немного поспать, хотя бы четыре часа, потому что... Минуту.

На последней фразе извиняющийся тон Мити стал раздраженным, и длинные пальцы снова полезли в карман. Прижав к уху телефон, Митя снова принялся мерить шагами скромный зал.

– Можно, почему нет? Только приехать не смогу. Да какая наличка, какая наличка?! Закрыто, а я здесь при чем? Возле моего дома есть терминал, киньте там. Нет, ты не понял. Я ничего не могу сделать, пока вы не пришлете мне деньги. Да понимаю, что вы хотите, но какой разговор без денег?!

Митя вышагивал от стены к стене, покачивая отощалым телом, по очереди выбрасывая вперед худые ноги, нервно и избыточно жестикулируя свободной рукой.

«...кружит голову, как в детстве карусель» – тихо пел в соседней квартире детский хор.

Почти все детство Владислав провел в доме бабушки, и дом был хорош всем, кроме одного – он кишел пауками, которых бабушка поливала кипятком, а Владислав настороженно сторонился. Пауки жили и в бане – в небольшом прямоугольном окне, больше похожем на встроенный в стену аквариум. Между двумя стеклами было достаточно пространства, чтобы несколько пауков, заползшие еще на стадии строительства, заплели узкую клеть окна провисающей сетью паутины и даже расплодилось.

Строительство замуровало их, и выбраться они уже не могли. Они доживали, вяло ползая по запылившемуся навесу паутины, изредка поедая мошек, рвано подергивая длинными угловатыми лапами.

Митя двигался так же, как те пауки.

Когда Митя перебирал со спидами, его начинало подергивать, и всякий раз, когда Владислав это видел, ему вспоминались банные пауки – жирные черные точки, которые перемещались в гуще паутины настолько лениво и дергано, что это вызывало у маленького Владислава тошнотные позывы. Кончилось все предсказуемо: сначала пауки пожирали мошек, а затем принялись друг за друга. На идиллический вид соседнего участка неизбежно накладывался мертвенный фильтр – густые сплетения паутины, среди которых виднелись засохшие тельца с ломаными лапами.

«...не будь ко мне жестоко, жестоко не будь...»

– Только я сам не смогу забрать, придется вам ехать. Закидывайте, и я вам адрес пришлю. Вот и отлично.

Видимо, деловой разговор подошел к концу, потому что Митя вдруг улыбнулся, оскалившись сжатыми зубами и верхней десной:

– Я, кстати, знаю, что вы завтра у Ширяева собираетесь. Откуда? Сам-то как думаешь? Приду, само собой.

Владислав убрал оба зиплока в нагрудный карман и отвел взгляд в сторону, стараясь не вслушиваться в торопливую болтовню Мити. Он был разговорчивым сам по себе, а уж в таком состоянии заткнуть его было невыполнимой задачей.

Задумавшись, Владислав не заметил, как Митя убрал телефон в карман, и пришел в себя, лишь ощутив отрывистое похлопывание по плечу: Митя прощался. Выпроваживать его не было необходимости: мыслями Митя был уже не здесь, а ноги быстрым шагом уносили его из квартиры.

Рассеяно заперев дверь, Владислав попытался успокоиться, однако унять острое желание так и не смог: нагрудный карман словно жгло, а мысли, которые Владислав пытался направить в мирное русло, упорно рассыпались, возвращаясь к одному и тому же пункту. Оставалось только одно – лечь спать.

«Завтра, – подумал Владислав, успокаивая себя, – завтра все будет хорошо».

* * *

Под распахнутыми глазами Владислава темнели широкие фиолетово-серые дуги. Вторые, третьи сутки – Владислав пытался заснуть, но вместо этого проваливался в поверхностную вязкую дрему, в тяжелый трехсекундный кошмар, где были спрессованы все его незримые страхи, где темноту зала прорезали яркие вспышки – злобные, недобрые, подкрадывающиеся. Бледнеющие траектории – синие, красные, зеленые – плавно сливались с тьмой. Синий снаряд, растворившийся в желудке и добравшийся до печени, делал свое дело. Разогнанный мозг Владислава не желал успокаиваться и думал обо всем сразу, перед его мысленным взором мелькали тысячи отчетливых образов, сливаясь в один пестрый тошнотворный коллаж, который чья-то невидимая рука комкала, словно лист ненужного черновика, и швыряла Владиславу в лицо.

[Скырлы-скырлы. Голос утренний в серебряной полосе. Одна дорога, две, три, четыре, седьмая похожа скорее на широкополосное шоссе. Эффект накапливается, и седьмая бьет в мозг финальным крещендо: глаза закатываются, качаешься, как камлающий шаман, челюсть ходит ходуном. Мне триста лет, я выполз из системы. От мхатовских представлений в аптеках к стимуляторам амфетаминового ряда. Второй раз соскакать намного легче: морально готов к внезапным флэшбэкам, нахлобучкам, снам, где закидываешься. На липовой ноге, на березовой муке.]

Изо всех сил зажав уши ладонями, Владислав уткнулся лицом в подушку – вокруг него неудержимо сдвигались стены усиленных звуков, целые каскады прежде незаметных шумов. Каждое движение глазных яблок порождало в голове гулкое эхо, разносимое по стремительно шуршащему кровотоку, сердце стучало легким колотьям.

[Кружит голову, как в чреве. Не смотри на меня, ненавижу, когда ты так смотришь. Скырлы-скырлы. Лучше бы ты выскребла кровяной сгусток, лучше бы выскребла будущего торчка. Всем было бы лучше – даже мне. Они не такие, как мы. Они не впадают в спячку, они бродят по зимнему лесу и клацают зубами, шатаются тощими телами. Зачем ты рожала меня? Все спят, спят, один я не сплю.]

Трехминутный кошмар – затхлый, тесный, как промерзший чулан. То ли Владислава тащило к расщелине золотых искр, то ли расщелина неслась к нему. Расщелина щетинилась острыми бритвенными краями, слепящие золотые искры визжали, мчались к Владиславу. Комковатая злоба цветного огня забивала нос, забивала легкие. Владислав не мог дышать, а ядовито-яркие огни звали к себе. Владислав завопил сквозь сон и подскочил, вцепившись в одеяло до белизны в костяшках. Распахнутые глаза смотрели перед собой черными площадками зрачков, набухали слезами, и тяжелые капли бежали по тощеватым щекам.

[Аптека, аптека. Триста рублей за блистер, триста рублей за блистер, триста рублей за блистер. Тело дергается, бьется конечностями по кафелю ванной. Скырлы-скырлы. Синие губы, восковое лицо, разинутый рот набухает пеной. Был каждый день зловредней и черней. Кровавые капсулы на ладони, пересохло во рту. Кат, кат, кат. На своем ложе убит.]

Владислав беспомощно хрипел, пытаясь проснуться. В зал прокралась черная фигура, сочащаяся жаждой чужой смерти. Разглядев нависшее над ним лицо,

Владислав надсадно закричал, как не кричал никогда в жизни. Он разглядел лицо матери с пустым взглядом, похожее на посмертную маску. Владислав хотел, чтобы кто-нибудь его разбудил, но спящее тело лишь стонало, а рядом не было никого, кто мог бы ему помочь.

[Митя, я в сопли. Я начинаю тонуть. Ты всегда был грустным. Ты ничего не дашь миру. Сқырлы-сқырлы. Мир оказался грязней – почему вы не сказали об этом, почему не предупредили, что год от года будет становиться лишь хуже? Почему лицемерно умолчали о том, что каждый год лишь приближает к смерти, что детство не вернуть и не воссоздать – даже химическим волшебством МДМА? Кат объел мясо на моих костях, амфетамины объели мясо на моих костях. Мое мясо, твари.]

Мать потянулась к Владиславу костлявой рукой, вцепилась в тошнотный калейдоскоп перед его глазами и скомкала его, звучно хрустя бумагой. Мятый комок ударился о лоб Владислава и отскочил на пол. Над Владиславом нависала ободранная медвежья лапа, лишённая шкуры, а мать, приблизившись к его лицу, щелкала вытянувшимися челюстями.

Владислав беспрерывно убежал, ныряя в темные лабиринты, где ему выворачивали руки, хватили его за горло и засыпали в рот пригоршни таблеток. Владислав хрипел сквозь эту пригоршню, пытаясь вырваться из цепких лап шатуна, который силой заталкивал алые капсулы прямо в горло.

[Митя, Митя, я в сопли. Ты ничего не дашь миру. Голос, голос спрашивает скоростного. Сқырлы-сқырлы. Ты брал амфетамины не раз. Ты всегда был слабым. Кровь из носа, сопли с примесью глицина – а больше ничего и не надо. Дорога по Базарбаева, дорога эм-ди-эм-эй. На липовой ноге, на березовой муке.]

Проснувшись по-настоящему, Владислав ухватился за лежащий под подушкой железный половник и испуганным взглядом обвел зал.

– Она на кухне! – прошептал Владислав сквозь сжатые зубы и понес крупно дрожащее тело туда, где затаилась в засаде его мать.

Раздался то ли злобный, то ли плаксивый вопль:

– Лестница! Митя, она лезет по лестнице!

Митя не замедлил оказаться рядом с Владиславом и мягко, но настойчиво ухватил его за плечи. Уже в который раз пробормотав успокаивающие слова, Митя повел его обратно к кровати, нервно оглядываясь на темное кухонное окно, в котором отражалась спинка стула – лестница, по которой мать Владислава должна была лезть на шестой этаж.

[Я в сопли, Митя, я в сопли. По дороге, на которой нет следа. Ни следа не остается – все всасывается в слизистую, втирается в десны, бережно собирается влажным пальцем – с визитки нарколога, с купюры, со стеклянной столешницы. Сқырлы-сқырлы. Спи спокойно, избитый, в крови. Миллениал с завышенными ожиданиями ударился о прибрежные камни, и окровавленное тело утягивает на дно. Я всего лишь хотел радости, у меня не было желания бороться со страхом смерти, не было желания бороться с наркозависимостью. Не об этом я мечтал в детстве. Они ввали мне, ввали во всем: обещали хорошее будущее, пророчили черт знает что. Мне осточертело смотреть на этих лицемерных улыбающихся тварей. Все спят, спят, один я не сплю.]

– Осточертело! – невнятно мычал Владислав, содрогаясь в рыданиях, скорчившись на кровати, как эмбрион. – Видеть не могу этих тварей!

Дрожа то ли от громких рыданий, то ли от переизбытка стимуляторов, Владислав размазывал по лицу слезы и кровавые сопли. Нижняя челюсть ходила ходуном, засыхали бледно-красные разводы, измаравшие сухие искусанные губы и белую зубную эмаль.

* * *

– Как меня зовут? Сколько пальцев видишь? Как ты себя чувствуешь?

Владислав вяло уворачивался от пятерни, которая маячила перед глазами, пытаюсь сообразить, что происходит. Митя же пытался добиться от него хотя бы какого-нибудь ответа, а на лице его была написана неподдельная тревога.

«Значит, больше друг, чем дилер», – подумал Владислав.

– Как ты себя чувствуешь? – в очередной раз прошептал Митя, заметив во взгляде Владислава проблеск осознанности.

– Уле-еле, – вяло промычал Владислав, ощущая боль в носоглотке.

Он обнаружил, что лежит под одеялом, а слева по-прежнему мерцает дуга гирлянды. Серое утро пробивалось в окно и расстиралось по полу бледными квадратами.

– Раз способен шутить, то чувствуешь ты себя как минимум приемлемо. Влад, соберись и слушай меня внимательно.

То и дело Митя с тревогой оглядывался на дверной проем, ведущий в коридор, в его лихорадочном шепоте слышалась такая серьезность, что Владислав, простуженно шмыгая, вникал в каждое слово. Он вдруг вспомнил, что сквозь сон отчетливо слышал, как кто-то холодно бранился и беспрерывно колотил в дверь.

«Так это был не сон?» – мученически сморщился Владислав, вдавив пальцы в ноющий висок.

Владислав вроде как помнил происходящее, однако подводило его одно – хронология. Что, впрочем, было неудивительно. Митя же, благодаря подскочившему толеру, все эти дни сохранял относительную трезвость рассудка, так что его торопливый рассказ многое прояснил.

Начало вечеринки Владислав не помнил совершенно – первые пять минут бесследно выпали из памяти. Кислотная составляющая оранжевой таблетки преподнесла неприятный сюрприз, и Владислав, совершенно не ожидающий подобного экспириенса, рухнул в приход, как в глубокую сырую яму. Стены потекли, предметы обзавелись мерцающими красными кромками, и Владислав, конечно же, запаниковал. Однако его успокоили, и на этот раз все обошлось, но в целом выходные прошли плачевно.

«Икея или скайп?» – всплыл в памяти Владислава чей-то вопрос.

«Скайп», – выбрал он. Синяя таблетка тоже преподнесла неприятный сюрприз, но уже амфетаминовый.

– Ты четыре часа ходил по квартире и восхищался всем, что попадалось на глаза, – шептал Митя, словно боясь, что его кто-то услышит, – потому что сожрал полграмма.

– Почему ты меня не остановил? – сдавленно просипел Владислав.

Рассказ Мити совершенно расходился с его версией происходящего, в которой четыре часа длились пятнадцать минут. Он нутром ощущал нарастающий дискомфорт.

– Я пришел после того, как ты это сделал. Тебя так тарашило, что ты трое суток заснуть не мог.

– Что? – переспросил Владислав.

Он наконец осознал, что произошло, и это осознание превратило дискомфорт в страхок, который холодным комом обосновался в солнечном сплетении.

– Да почему ты шепотом говоришь? – до Владислава наконец дошла несуразность ситуации.

– Если он там лежит холодный, ты точно сядешь! – донесся из коридора знакомый строгий голос. – Проваливай уже отсюда, дай мне с сыном поговорить!

Митя даже не попрощался – он выскочил в подъезд так стремительно, словно его здесь и не было. Вслушиваясь в гул железной двери, ударившейся о косяк, Владислав морально приготовился к разговору. В дверном проеме показалась рослая фигура матери. Сев в кровати, Владислав сделал то, что так любил делать при встречах с ней – придал своему взгляду нечто среднее между тяжелой томностью и отвращением. Нужно было лишь расслабить веки, чтобы они вяло напоздали на глаза.

Мать ничуть не изменилась, она почти не отличалась от образа из его детских воспоминаний: тот же мраморный лик Гекаты, тот же пустой взгляд, та же мертвенная красота. Вот только на мраморном лице появились штрихи возрастных морщин, а мертвенная красота, прежде намекавшая на роковой шарм, стала красотой чучела, над которым поработал таксидермист. Красивого, нервного и худого чучела. Не изменился только взгляд, который дарил нежность всем, кроме Владислава.

– Как ты зашла? – спросил Владислав.

На ходу расстегивая пуговицы пальто, мать подошла к его кровати. На серых квадратах пасмурного света отчетливо выделялись грязные следы сапог. Правое запястье матери охватывал тяжелый гранатовый браслет – массивная кровавая гроздь, тускло мерцающая темными гранями и напоминающая скорее сырую говяжью печень.

– Стоило сказать про милицию, и он сразу же открыл. Можешь не врать, что вы все выходные пили. Если бы ты пил, у тебя бы лицо отекло, – перекосив плотно сжатые губы, она перевела пустой взгляд на широкий подоконник, где лежала желто-синяя визитка с номером нарколога. – Неужели пригодилась?

– Пригодилась, – скупой ответил Владислав и, потянувшись рукой к подоконнику, ухватил визитку. Проведя по мятой кромке визитки пальцем, он собрал то, что осталось от мефедрона, и втер в десны. Рот наполнился горечью, Владислав недовольно искривился.

– Идиот! – выпалила мать.

Он прекрасно понимал, какие претензии сегодня услышит и каким тоном они будут высказаны. В конце концов, он прожил с матерью двадцать три года и хорошо изучил ее привычки. А вот она его привычки не изучила: два аддиктивных эпизода так и остались незамеченными, а резкие перемены в характере ее не насторожили. Если бы Владислав не рассказал ей, она бы даже не узнала.

Из-за каскада туч вышло утреннее солнце, на пол брызнул хрусталь медово-желтых отсветов. За стеной, в квартире старика, раздался дребезжащий звон стационарного телефона.

– Сама же говоришь, что я всегда был грустным. Чему ты удивляешься?

– И что я могла с этим сделать? – спросила мать, уперев руки в бока.

Утренний свет не придавал ее выцветшему лицу свежести, он лишь жирнее очерчивал морщины и проступающие пигментные пятна

– Отвести меня к врачу, например, – медленно произнес Владислав, улыбаясь одними уголками длинного рта.

– Чтобы он тебя таблетками пичкал?

– А теперь я сам себя таблетками пичкаю. Вариант с врачом был бы гораздо лучше, ты не находишь?

Возможно, в какие-то моменты она была хорошей матерью, а Владислав – воспитанным и вежливым ребенком. Но какое значение имеют эти моменты, если в итоге ситуация становится удручающей? В прошлом году Владислав нашел хорошую работу и ввязался в болезненные отношения с женщиной старше себя. Однако мать сочла работу несерьезной, а женщине Владислав так и не угодил. Иногда мать разговаривала с ним, как с тупым, впрочем, женщина этим тоже не брезговала.

Каждая попытка понравиться вызывала у матери все больше недовольства, и когда амфетаминовая нервозность избавила Владислава от излишнего воспитания, идея о святости кровного родства расплылась, как чернила на мокрой бумаге, а суровая фигура матери покинула бессознательное. Гештальт закрылся.

– Владик, ты меня позоришь, – огорченно сообщила мать, поглаживая костлявыми пальцами бурый мех воротника.

– По плодам их узнаете их, – издал Владислав сдавленный смешок.

Уходила мать, как заслуженная актриса: с драматическим молчанием, напустив на себя настолько скорбный вид, что Владислав, будь он на несколько лет моложе, поддался бы манипуляции. Однако теперь достучаться до его чувства вины было сложно.

Солнце поднялось выше, и по полу иссиня-черными трещинами поползли вытянутые тени голых ветвей. Теплая комната наполнилась тишиной и размеренным дыханием засыпающего человека. Недужные лица Достоевского и Берроуза глядели с прежним укором, однако Владислав не замечал этого – он наконец-то забылся крепким, безмятежным сном.

Кира Зонкер родилась в 1993 году в Павлодаре, окончила филологический факультет ПГУ им. С. Торайгырова. Писать начала в 18 лет, особенно активно работает в последние два года. В 2014 году вступила в литературный клуб «Меркурий», сейчас является активным участником молодёжного литературного клуба «Новый Меркурий». Публиковалась в павлодарском областном журнале «Найзатас». Ведущий жанр прозы – драгфикшн. Большой поклонник творчества Ф. М. Достоевского.

